

УДК 316.42
ББК 60.0

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: СООТНОШЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ И ВНЕРАЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ¹

Н.М. Голик

Предпринята попытка философского осмысления процессов модернизации в обществе с позиций рациональности и ее исторических типов. Проанализировано влияние рациональных и внеэрациональных установок на эффективность модернизации.

Ключевые слова: социальная модернизация, теория модернизации, традиция, современность, тип рациональности.

Теория модернизации — одна из социологических макротеорий, сформированная в середине XX века, главным образом, в качестве идеологической альтернативы социализму. Необходимость изучения развивающихся стран, бывших европейских колониальных империй, а также выработка оптимистической парадигмы исторического развития, сделала эту теорию популярной.

Теоретики модернизации выделяют ряд этапов развития теории. Первый, закладывающий теоретико-методологические основы теории модернизации, просматривается в социологических работах XIX века (О. Конт, Ч. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Ч. Кули, Г. Мейн). На втором классическом этапе развития теории (50-60 года XX века) осуществляется разработка основных ее положений (М. Леви, Э. Хаген, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Д. Лернер, Д. Аптер, Ш. Эйзенштадт, П. Бергер, У. Росту и др.). Третий этап (70-80 года XX века) — этап внутренней и внешней критики теории модернизации, на котором происходит выявление неисторичности и западоцентричности модели модернизации. Последний этап — этап формирования теорий неомодернизации и постмодернизации (Р. Инглхарт, Ф. Фукуяма, У. Бек, В. Цапф, А. Турен, С. Хантингтон и др.). Здесь отстаиваются мнения о том, что процессы

модернизации не являются универсальными. Так А. Турен считает, что модернизация это исторически ограниченный (частичный) процесс: «нет общего кризиса современности, — пишет Турен, — а есть кризис ограниченный и между тем достаточно глубокий, указывающий на кое-что важное, а именно: на исчезновение социального эволюционизма, той идеи, согласно которой существует «естественный» процесс модернизации, управляемый «законами» исторического развития, способными дать отчет обо всех аспектах общественной жизни и ее трансформации» [12, с. 32]. Таким образом, Турен отрицает господствующие долгое время идеи эволюционизма, одновременно выводя существование постиндустриального общества из социальных действий: «эти общества являются продуктом своих собственных действий, а не частью процесса исторической эволюции» [18, с. 247].

В наиболее общем виде модернизацию можно представить как совокупность всех качественных изменений в обществе, его всестороннее обновление в процессе трансформации и перехода из общества традиционного типа в современное общество. Данное стремление к обновлению, «приведению в меру со временем» мира вокруг себя является естественным для человека, желание человека стать лучше, чем он есть на данном этапе своего развития. В процессе осознания себя, человек стремится понять не только свое место в мире, но и постичь, каким этот мир должен быть, как он должен развиваться.

Поэтому оказывается понятным тяга человека сформулировать теорию, которая бы давала «точные инструкции» скорого обновления общества и перехода его к современности. С точки зрения Ш. Эйзенштадта, «исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX веками и распространились на другие страны и континенты» [18, с. 173]. Таким образом, западные ценности служат образцом для подражания, эталонном всем незападным обществ (концепция вестернизации). При этом повсеместное распространение и засилье западной культуры, должно дополняться попытками слаборазвитых отсталых запаздывающих стран догнать Запад посредством индустриализации (модель догоняющей модернизации). Европа все так же может оставаться образцом модернизационного развития, считают участники доклада по модернизации России, однако само «общество модерна, будучи уже сформированным, должно сохранять способность и решимость к ревизии собственной системы институтов и при необходимости — к их реконструкции. Утрата этой способности и решимости есть застой в национальном и цивилизационном развитии» [7]. В любом случае, как бы не трактовалась модернизация и ее процессы, представляется невозможным рассматривать то или иное общество изолированно, в отрыве от мировых процессов и международных отношений современного мира. В результате, механизмы и базовые установки социальной модернизации должны коррелировать с институтами и ценностями современности. Таковыми, по словам С. Н. Гаврова, являются: демократия, рыночная экономика (которая служит основой гражданского общества), государство всеобщего благоденствия и массовая коммуникация [2, с. 20]. Качественные характеристики современных обществ также обнаруживаются при выявлении дихотомий, свойственных процессам модернизации. Одной из такой является противопоставление социальной рациональности культурным ориентациям и ценностям, воплощенных в традициях, религиозном или мистическом опыте [19, с. 470].

По мере развития теории модернизации меняется соотношение ее главных категорий — «традиции» и «современности». Изначально, «усиление качественных характеристик современности часто воспринималось как процесс, равнозначный упадку традиций», сопряженным с развитием свободы, утверждением принципов рациональности и «нетрадиционных» концепций справедливости [19, с. 471]. С течением времени происходит переоценка места традиций в жизни общества. Наблюдается движение от необратимо-полного, революционного, нивелирующего традиционную систему ценностей преодоления и вытеснения традиции современностью к их эффективной адаптации и мирному сосуществованию друг с другом. Спорным при этом остается само понятие «современности» (modernity) общества. Модерность как следствие процессов модернизации либо продолжается в настоящее время (Ю. Хабермас, Э. Гидденс), либо не может завершиться в принципе (С. Амин). В обыденном понимании все существующее в настоящем является современным, однако В. Г. Федотова справедливо замечает, что настоящее одних обществ может быть похожим на прошлое или будущее других обществ. В результате должны быть выделены критерии, отличающие традиционное общество от современного. Таковыми, по ее мнению, являются: ориентации на инновации, целерациональность, светский характер социальной жизни; поступательное развитие; выделенная персональность, преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса, активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук технологий (техногенная цивилизация) [14, с. 180]. Уже в этих выделенных критериях современного общества присутствуют как рационально-ориентированные компоненты социального развития, так и его ценностно-целевые установки. Более того, быть современным, пишет Д. Аптер, «значит воспринимать жизнь как выбор, как предпочтение одного другому, как альтернативность» [20, р. 10]. В содержание выбора, в его структуре опять-таки обнаруживаются те самые рациональные, и иррациональные элементы, как следствие того, что само

понятие выбора, располагается между сознанием и поведением. В исследованиях Л.А. Ефимовой можно проследить эту тесную взаимосвязь рационального и иррационального на примере политического выбора. Рассматривая сущность политического выбора, Л. А. Ефимова отмечает, что современное общество развивается на фоне нехватки общегосударственных ценностей и идеологии, противоречивости политических процессов. Это приводит к порождению иррациональных по своей сути взглядов, ценностей, представлений у людей при выборе политической ориентации и бессознательному отношению к политической реальности. Таким образом, «политический выбор обусловлен рациональными и иррациональными факторами, закрепленными в массовом сознании и в коллективном бессознательном, а именно идентификациями, ценностями, ориентациями, установками, ожиданиями, предпочтениями» [5]. При этом значение иррациональных механизмов возрастает по мере того, как происходит снижение понимания человеком сути и причин происходящего в политике. Итак, проблема социальной модернизации оказывается в тесном переплетении с темой выбора, определения пути, направления развития.

Проблема выбора пути развития всегда остро стояла перед Россией, актуальной она является и для современного российского общества. Так понимание того, что модернизация в России является необходимым условием вхождения ее в современность, было озвучено нынешним президентом России В.В. Путиным еще в 2004 году «...мы будем модернизировать страну, мы будем действовать решительно, но постараемся каждый наш шаг объяснять. С тем чтобы люди понимали, что делается и почему?»². Идея необходимости модернизации современного общества утверждалась и бывшим президентом Д.А. Медведевым: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии» [9]. В. В. Путин считает, что в обсуждение целей и задач модернизации страны должно быть задействовано большинство населения, а не отдельные малочисленные, но зато влиятельные группы.

Таким образом, модернизация должна происходить для народа, а не народ для нее. Именно народная модернизация позволит власти и далее добиваться роста благосостояния граждан и укрепления позиций страны на международной арене [8]. В Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации также указывается на уникальный шанс укрепления общественно-государственного диалога путем использования активности представителей гражданского общества и их участия в процессах модернизации [3, с. 140].

В научных отечественных кругах также уделяется особое внимание проблеме социальной модернизации. Ряд исследователей даже вводят новые понятия для обоснования и развития этой проблемы, например, такие как: «псевдомодернизация» (А. С. Ахиезер), «сверхмодернизация» (Е. Холмогоров продолжает ряд вслед за введенными А. Туренем понятиями «контрмодернизация» и «антимодернизация»), «рецидивирующая» (Н. Ф. Наумова), «имперская» (В. Г. Хорос), «абортивная» (Л. Д. Гудкова) модернизации и другие. Несмотря на существенные различия в этих уточняющих содержание модернизации понятиях, можно выделить некоторое единство. Так общим для них оказывается включение в модернизационные процессы, реализующиеся на российском пространстве, иррациональных факторов (национальных традиций, ценностных установок, менталитета), которые, с одной стороны являются определяющим фактором, без которого невозможно дальнейшее развитие России, а с другой стороны являются его тормозом, не дающим двигаться вперед.

Изначальная трактовка модернизации как сугубо рационального процесса формирования современного государства должна быть дополнена иррациональными социо-культурными ее последствиями. Так, М. Вебер понимал модернизацию как процесс общественной рационализации, переход от системы религиозных ценностей, характерной для традиционных обществ, к протестантской этике, на которой основано общество современного типа. Он рассматривает западное общество сквозь призму двух типов рациональности: целеполагающей, инструментальной по своей сути («формальной»), и ценностной, подвластной морали. Формальная рациональность —

рациональность капиталистического хозяйства, где все основано на расчете и количественных критериях. Применение формальной рациональности находит в точном расчете средств и выражается в адекватном достижении практических целей. Целерациональные действия — одно из основных понятий концепции Вебера — означает осознанное, направленное на достижение определенных целей действие. Материальная рациональность, выделяемая Вебером — категория, которая содержит ценностные нормативы, не поддающиеся формальному измерению. Смысл этой категории обнаруживается Вебером в концепции «прогрессирующей рационализации общественной жизни» [1, с. 37]. Рационализация и рациональность являются неизменными следствиями развития капитализма, проявляющимися в различных формах.

Сильный формализм в концепции Вебера обусловлен реальными политическими, социально-экономическими и научно-техническими тенденциями того времени. Познательно-инструментальный характер науки и техники как модели рациональности явился важнейшим фактором развития капитализма, и более того, развитие науки воспринималось как процесс рационализации всей общественной жизни. Вся ответственность за последствия рационализации хозяйственной деятельности возлагалась на разум. Последнее подвергалось жесткой критике, благодаря которой, был выработан своеобразный духовный контекст, который обнаруживал противоречия самого разума. Подхватывая и развивая идеи М. Вебера, Т. Парсонс говорит о возрастающей рациональности. Выбрав однажды путь рационализации, общество уже не сможет свернуть с него, и модернизация, с неизбежностью возникающая в ходе этого процесса, также имеет не произвольный, а направленный характер. И не удивительно, что со временем рационализация и морально-ценностная установки общества оказались «разнонаправленными процессами [13, с. 90], а сам разум «раскололся на множество ценностных сфер и уничтожил собственную универсальность» [15, с. 45].

Кризис идеи рациональности и утрата ее четких критериев возникает, прежде всего, в контексте модернизации старой традиции мышления. Смена типов рациональности происхо-

дит входе и под влиянием модернизации. Так В. Г. Федотова поясняет, что в содержание модернизации заключено движение «от ценностно-рационального к целерациональному отношению к миру, а затем к гипотетической ценностной целерациональности». Господство ценностной рациональности в традиционных обществах сменяется утилитарной потребностью достичь поставленных целей в современных обществах [14, с.184]. То есть каждому типу общества, каждому этапу исторического развития присущ собственный тип рациональности. А в основаниях процессов модернизации, в тех трансформациях форм и смыслов, лежит напряженное соперничество, а вместе с тем и единство рациональности и внерациональных установок, выраженных, главным образом, в ценностно-целевых структурах. Постнеклассический тип рациональности — прерогатива современных обществ, стирает границы между областью рациональности процессов и программ социальной модернизации и их внерациональных предпосылок.

Постнеклассическая рациональность, проникая на позднем этапе развития модернизационной теории, обосновывает национальные проекты модернизации, в которых приоритетными оказываются социокультурные факторы. Так, польский социолог П. Штомка замечает, что «если раньше эффективность модернизации выводилась почти исключительно из экономического роста, то теперь признается важная роль ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того «неуловимого и неосязаемого», без которого модернизация не может быть успешной» [18, с. 182].

На основе рациональных способов постижения мира становится возможным формирование истинной, объективной картины мира, которая в свою очередь предполагает множество проявлений рациональности. Однако постнеклассическая наука «впускает» человека в рациональность, настаивая на соотношении получаемых знаний об объекте с ценностно-смысловыми структурами, а также с анализом целерациональных действий и поведением человека. Б.С. Сивирин указывает, что «проблема социальной рациональности тесно связана с проблемой роли и места субъекта целерациональной деятельности и его качествами.

Человеческая рациональность неотделима от ценностного подхода к любой деятельности. Ценностное отношение к окружающему миру всегда строится на иерархии ценностей» [10, с. 6]. Так, по словам В.И. Сорокиной, «социальность во все большей мере начинает рассматриваться как целостность, основанная на самоорганизации спонтанных проявлений человеческой индивидуальности и слабо замыкающаяся на коллективно-групповые нормы и ценности» [11, с.142]. Усиливаются гуманистические тенденции, происходит «расколдовывание» и «оживление» социальности, «возвращение» людей в социальность. Сам гуманизм становится методологией и ориентирован на практическую деятельность. По словам В. Е. Кемерова, «не учитывая индивидуальное бытие людей в качестве базовой формы и энергии нельзя представить социальное бытие как процесс... Без учета индивидной структуры социальности невозможно продуктивное решение задач интенсивного развития общества и, соответственно, качественного использования всех его ресурсов» [6].

Постнеклассическая рациональность объединяет на своей основе субъективность и объективность (в том числе и социальной реальности), рациональные и внерациональные способы освоения мира. Гуманитаризация рационального познания становится определяющей. Так, по представлению В.С. Швырева, рассматривая познавательные установки всякой науки, необходимо учитывать, что они являются продуктами человеческой деятельности, во всей полноте определяющие внешние и внутренние научные факторы [17, с. 162]. Постнеклассической социогуманитарной наукой не исключаются рациональные критерии истинности и объективности научного знания, однако исходной точкой научного исследования признаются гуманистические интенции. Человек в новой рациональности понимается как системообразующий принцип. Познание центрируется на коммуникативной деятельности, на исследование значения и роли обыденного знания и повседневности в науках о человеке и обществе.

Средством преобразования социальной реальности, в условиях кризисной, требующих коренных преобразований современной действительности, немецкий философ Ю. Хабер-

мас называет «коммуникативное действие» и «коммуникативную рациональность». Последняя выступает связующим звеном между индивидом и обществом, определяя направления социального развития, она сосредоточена «на разрешение противоречий существующей социальной реальности и выработку новых культурных смыслов (а значит, норм и ценностей–авт.), которые могут послужить ориентирами, как для развития общества, так и самого человека» [13, с. 42].

Уже упоминаемый ранее А. Турен, настаивает на синтезе *modernity* и социокультурной самобытности, так как нарушение зыбкого равновесия между современностью и традицией может привести к социальным конфликтам, а также ставит под угрозу сам проект модернизации. В результате, возможно два варианта развития общества. В первом, осуществляется попытка отстоять свою независимость, путем поиска альтернативных западу путей развития, но с использованием его достижений (контрмодернизация). Второй вариант – активное открытое противостояние западу, основу которого составляют собственные ценности (антимодернизация). «Всякое общество, – пишет Турен, – замкнуто между культурными ориентациями и ценностями, между инструментами производства обществом самого себя и идеологическими инструментами воспроизводства неравенств и привилегий» [12, с.49].

Успех модернизации в незападных обществах напрямую связан с их способностью сочетать модернизацию с собственной традицией или вовсе отказаться и противопоставить свои ценности западным. Хорошим примером такого устойчивого неприятия служит Япония. Однако данный пример, по мнению Е. Холмогорова, отечественного публициста и политического деятеля, часто приводимый для доказательства возможности успешной модернизации, доказывает обратное, – если это и успех, то не в модернизации, не в принятии западных ценностей Нового времени, а в адаптации своего общества к условиям, которые Запад создал во всем мире [16]. Поэтому Холмогоров, продолжая идеи А. Турена, формулирует амбициозный «ответ на модернизационный вызов Запада» – сверхмодернизацию. Согласно ему создаются не просто

свои ценности, но и «своя современность» вместо существующей «современности», конструируемой Западом.

Таким образом, в сущностных характеристиках социальной модернизации, в ее базовых установках и механизмах, в тех изменениях, трансформациях форм и смыслов обнаруживается, с одной стороны единство и тесная взаимосвязь рациональности и иррациональных компонентов, выраженных ценностно-целевыми структурами, а с другой стороны их напряженное соперничество и даже открытое противостояние. При этом борьба и ее исход двух фундаментальных сущностей, сочетающихся в социальной модернизации, оказываются определяющими в выборе пути и направления развития общества. Эффективность и успех модернизации в обществе, таким образом, зависит «не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, а от формирования структурированного синтеза смыслов, ценностей, норм и институтов, в котором возможно конструктивное взаимодействие традиционных и современных, эндогенных и заимствуемых ценностей» [4, с.246]. В результате, модернизация предстает как социокультурный процесс порождения новой системы ценностей, а ее движущей силой подчас выступает конфликт этих ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках реализации мероприятия 1.4. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. «Человеческое существование в условиях социальной модернизации». Соглашение № 14.В37.21.0088.

² 15 марта 2004 года на встрече с журналистами в своем избирательном штабе по окончании голосования на выборах президента России).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Прогресс, 1967.
2. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит: Монография. – М.: МГУДТ, 2010

3. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2011 г.). — М.: Общественная палата Российской Федерации, 2012.

4. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность //Актуальные проблемы социального и экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. – с. 233-246.

5. Ефимова Л.А. Рациональные и иррациональные факторы политического выбора в современном российском регионе. Автореферат дис. канд. полит. наук. Владивосток, 2005

6. Кемеров В. Е. Гуманитаризация обществознания: методологические перспективы // Социемы. – 2005. – №11

7. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад. М., 2009 // Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>

8. Петраков Д. //Российское федеральное издание «Валовой внутренний продукт (ВВП)» № 71 2012 // Режим доступа: <http://www.vvprf.ru/archive/clause569.html>.

9. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009. 13 ноября).

10. Сивиринов Б.С. Социальная рациональность как компонент социальной перспективы //Социологические исследования, 2003, № 4

11. Сорокина В.И. О соотношении принципа дополнителности и синергетического подхода в социогуманитарном познании // Вестник ЧелГУ. Философия. Социология. Культурология. – 2008. – № 5
12. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М.: Научный мир, 1998

13. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / РАН. Ин-т философии. М., 1999

14. Федотова В.Г. Рациональность как предпосылка и содержание модернизации общества. // Исторические типы рациональности. - Т.1. - М., 1995

15. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопр. философии. 1992. № 4.

16. Холмогоров Е. Модернизация и сверхмодернизация. //Альманах «Северный Катехон», №2. Режим доступа http://www.katehon.ru/html/top/politologia/idea/modernizatsia_i_sverhmodernizatsia.html

17. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция 2003.

18. Штомпка П. Социология социальных изменений. — М.: Аспект пресс, 1996.

19. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Сост. Б.С. Ерасов.

20. Apter D. The Politics of Modernization. Chi., L., 1965

**SOCIAL MODERNIZATION:
CORRELATION BETWEEN RATIONAL AND IRRATIONAL PRESCRIBING**

N.M. Golik

The article deals with the philosophic conceptualization of modernization processes viewed from the point of rationality and its historical types. The author analyzes the influence of rational and irrational prescribing on modernization effectiveness.

Key words: social modernization, modernization theory, tradition, modernity, rationalization type.